

* * *

Я хочу рисовать белый снег
Белой краской на белом холсте,
Чтоб никто не увидел печали моей,
Грусти прожитых дней.
Чтобы было всем вам от картины светло,
Чтоб никто не заметил, как мне тяжело.
...нарисую я вам белый снег
Белой краской на белом холсте...

* * *

Мне сегодня всё равно:	Исполняет снова дождь
Не тебя я жду, мой милый.	Песню, полную тревоги...
Жду, когда, собравшись с силой,	Ты меня пока не жди.
Застучится дождь в окно.	И, прошу, не надо ссоры.
Дождь что слёзы. Плачут боги	Я вернусь. И очень скоро.
И бежит по телу дрожь.	Лишь когда пройдут дожди.

* * *

На вокзале сонном	Подкатился к горлу
Перестук колёс.	Горя твёрдый ком.
Тяжело, со стоном,	Долго ждать не буду —
Дышит паровоз.	Ничего, стерплю.
Дребезжат вагоны...	И тебя забуду,
— Где же ты, в каком?	Если... разлюблю.

...дефис...

Мой лучший друг на днях сменил прописку,
Он вышел весь — навеки, навсегда...
Стрижи летают в небе. Низко-низко.
Наверняка промокну без зонта.
Он жить любил, но не боялся смерти.
Мне говорил, шутя, не раз: «Да брось!
Мир создан мной, и в этой круговерти
Я — ось. Да-да, всего лишь ось...»
Лишь раз сказал: «Ты знаешь, стало страшно:
Открылось мне, когда глядел вперёд...
Случится так внезапно и однажды:
Я не умру, а целый мир — умрёт!»
Ведь он всерьёз считал, что в жизни брэнной
Сам для себя и паства был, и бог.
Мой дряхлый кот является вселенной
Для сонмища на нем живущих блох.
Стрижи летают в небе — низко-низко.
К дождю — по всем приметам — сей полёт.
А я помёт стираю с обелиска.
Отрадно видеть: жизнь — она живёт.
И где ты, друг? Оставил хоть бы номер.
Гранитный ангел грустно смотрит вниз.
Звонить: два восьмизначных. Жил да помер.
А между ними — жизнь. Черта. Тире. Дефис.

Круги на воде

Я руку над костром оставлю. До ожога.
Чтоб усомниться вновь в ранимости души.
Парящая вода плеснет стаканчик грога,
На дальнем берегу хохочут малыши.
У них сейчас игра — швыряют камни в реку.
«Так вовсе не заснешь» — ворчит речная гладь.
А мне сидеть, считать, когда — к какому веку
По брошенным камням стопам моим ступать?
А мне — сидеть, зажав израненную руку,
Пролив на злую боль горячий летний грог.
И время — не течет: идёт по кругу,
Не строит планов и не ставит срок...
Мне б не вернуть — начать, чтоб сызнава и снова,
Чтоб повстречать тебя под тусклым фонарём.
Да время что дитя — без умысла лихого
Играет вновь и вновь моим календарем.

Милостыня

Все тот же городок, да новые постройки,
Родные голоса чужих людей,
В ларьке вокзальном выпекают слойки,
В углу ждет крошек серый воробей.

И — нищенка, всё та же, что когда-то.
(«Ну, слава Богу, ты еще жива!»)
Все то же рубище. Да новые заплаты
Засаленные красят рукава...
Мальчонка — внук? Дитя всех рас и наций,
Вцепился в бок сухому калачу.
И я с учетом всех деноминаций
Сейчас опять кому-то заплачу.
Мальчишка сыплет мне под ноги крошки,
А я копаюсь в недрах рюкзачка,
Чтоб положить в чумазы ладошки
Пятирублевку вместо пяточка.
У бабки был тариф такой же. Годы...
Берут свое, любым берут путём.
Сейчас мы часть вокзального народа,
Куда, куда, куда мы все идём?!
Зачем перемещаемся по свету,
Каких путей-дорог мы все рабы?
Откуда мысль, когда даешь монету:
«Не дай-то Бог кому такой судьбы...»
И подавать всегда со взглядом — мимо,

Рукой слегка придерживая крест.
Откуда знать, ЧТО мне необходимо,
Аборигенам привокзальных мест?

Напутствие забудется воробьём
И улетит за арочные своды
(Что знают обо мне они вдвоем?!):
«Голубушка, дай бог тебе свободы...»

Ода письму

Мы сотни лет назад так ждали голубка,
Освобождая весть неторопливо с лапки.
Не тот был стиль, не та была строка,
Домысливали текст, изложенный так кратко.
Затем мы ждали весть издалека.
Томились, а она тряслась на дрожках.
Мы как родню встречали ямщика.
Он вёз ответ, передохнув немножко.
И вот — письмо! Оно всегда — загадка,
Букет таких чужих-родных страстей.
И пьют с листка глаза — в знакомом беспорядке
Поток хмельных и жданных новостей.
И кругом голова! И голоса слышны!
О, говорящий лист — тебе пою я оду!
Мы ждём тебя — от мира иль с войны,
Уж сотни лет, считая дни и годы.
Наш информационный интерес
В дань жадной человеческой природе
Растёт. И извещает нас прогресс:
«Друзья! Письмо давно уже не в моде!»
«Пиши e-mail, отправь мне sms»,
Каналов информации не счесть,
Секунды доля — здравствуй, вот я, здесь,
Твоя незаблудившаяся весть!
За канцелярию уже не стоит братьяся,
Нам скоро всем поставят микрочип,
С рожденья каждому присвоен будет адрес,
Опережая время, мысль домчит!
Да будет так! И, выключив ПК,
Стерев с мобильного излишки sms,
Закрыв в мозгу портал, ждём... ямщика,
Единственную, истинную весть,
Бумаги лист, что может петь и плакать,
Его стократ мы можем перечесть,
С собой носить, хранить и в зной, и в слякоть...
Лети вперёд, прогресс, опережая годы.
Но ты, письмо, для нас всегда вне моды!

Я родился

Я — в больнице, я не болен:	Ведь я только смог родиться.
Я — родился, я доволен!	Но я знаю вкусный цвет,
Я так рад, что мама рада,	Лучше цвета в мире нет.
Больше ничего не надо.	Этот цвет надежный самый:
Мне не ясны ваши лица,	Это цвет халата мамы!..

* * *

Мой предок далёкий! Спасибо, что мне
Свободно живётся в свободной стране.
Я светлую память твою берегу,
Шагая с тобою в Бессмертном полку.

Продержаться

Нам с тобою, пёс, держаться надо!
Ты крепись, хвостатый, не рычи...
Тяжело молчать, когда по хатам
По-хозяйски ходят палачи.

А в тебе клокочет злоба: «Воры!» —
Ты их носом чуешь за версту.
Я бы сам напал на вражью свору,
Разорвал бы в клочья на лету!

Только, знаешь, правды маловато
В ярости бессильной и клыках:
Ведь враги, браток, при автоматах,
Да ещё на двух грузовиках.

Мы с тобой дождёмся их в засаде:
Здесь одна дорога напрямик...
Есть у нас с тобою по гранате:
По одной на каждый грузовик.

Мы должны сработать чётко, псина,
Чтобы до соседнего села

Ни одна фашистская вражина
Не дошла уже, не доползла.

Пламенем, закатом ли раскрашен —
День ложится сажей на межу.
Я тебе про будущее наше —
Как его я вижу — расскажу.

Вижу... Год... Две тысячи двадцатый.
На родимой нашей стороне
О войне наслышаны ребята
Из различных книжек о войне.

Вижу: тоже лето, день погожий,
В поле отпускает с поводка
Мальчик, чем-то на меня похожий,
На тебя похожего щенка.

Нужно дать возможность этим детям
В мирном поле бегать и играть.
Значит, мы сегодня, в сорок третьем,
Стиснув зубы, будем воевать...

Георгиевская лента

Дед, за то, что в сорок третьем
В рукопашную ходил,
На георгиевской ленте
Орден Славы получил.

На георгиевской ленте —
Цвета дыма и огня.
Вечно память о победе
Будет в сердце у меня.

В дремучем лесу

Одиноко по лесу девчонка идёт,
То с тревогой девчонка посмотрит вперёд,
То назад обернётся с опаской.

Вот бы где-то хорошие мысли найти,
Чтоб не так было страшно по лесу идти...
Вот бы ей повстречаться со сказкой!

«Видно, Красная Шапочка очень смела,
Ведь она в одиночку по лесу пошла...
Что же я-то такая трусиха?!
Отчего птичий гомон повсюду замолк?
Это кто там, за ёлкой? Не может быть! Волк...»
Оттого — и тревожно, и тихо.

Вышел из лесу, сел у неё на пути,
Страшный: серый, огромный, лобастый.
Ей теперь никакой стороной не пройти.
Усмехнулся оскаленной пастью:

— Ты куда и откуда такая идёшь?
Расскажи-покажи, что в корзинке несёшь...

Онемела девчонка. На волка глядит.
Только в сказке такое случится:
Да, он серый и страшный, но он... Говорит!
Надо попробовать до-го-во-рить-ся!

«Отвечай, ну чего же ты встала,
Будто сказок совсем не читала...»

— Ждут меня партизаны в дремучем лесу.
Я корзинку свою партизанам несу.
— Неожиданный, — волк удивился, — ответ, —
К партизанам? А старенькой бабушки — нет?

Волк сменил на улыбку свой страшный оскал:
— Как-то сказку от мамы-волчицы слышал...
Мне по детству казалось, что автор готов
Все людские пороки свалить на волков.

Я не ел ни старух, ни девчонок — всё ложь!
Вот и ты говоришь, не к бабуле идёшь...
— Да, — тихонько ответила волку она, —
Ведь бабуля была и стара и больна.
Захватил их деревню фашистов отряд,
А фашисты больных стариков не щадят...

Я и сказок уже не читаю, ведь мне
Не до сказок на этой ужасной войне.

И с тобой мне сейчас говорить недосуг:
Ждут меня партизаны в дремучем лесу.

Волк ответил, печали своей не тая:
— Очень, девочка, страшная сказка твоя.
Этих мерзких фашистов с ненужной войной
Кто-то выдумал жутко больной головой.

Помолчал... Облизнулся:
— А ты, стало быть,
Партизанов идёшь пирогами кормить?

Дай хоть краешком глаза на них погляжу -
Что там мать напекла... А потом провожу!

— Нет, — ответила девочка, — мать не печёт,
Враг разграбил в деревне запасы.
Это Красная Шапочка в сказке несёт
Пирожки и янтарное масло...

А в корзинке моей только вата и йод.
И со вздохом добавила:
— Мать не печёт...

Волк сказал:
— Я, конечно, голодный совсем,
Только йода не пью я и ваты не ем.

Ну, давай, я корзинку твою понесу,
Поспешим к партизанам в дремучем лесу.
Партизаны полечатся и победят,
Пусть фашисты не трогают сказки ребят!

И пошли по тропинке они бок о бок,
Партизанка-девчонка и сказочный волк.